

Ю. А. Шабанова

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКИ

Проаналізовано метафізичну сутність музики як вищої форми логічних закономірностей у контексті філософських проблем сучасної культури.

Ключові слова: музика, сутність, метафізика, звук, буття, космічні ритми Всесвіту.

Проанализирована метафизическая сущность музыки как высшей формы логических закономерностей в контексте философских проблем современной культуры.

Ключевые слова: музыка, сущность, метафизика, звук, бытие, космические ритмы Вселенной.

The metaphysical essence of music as supreme form of logic laws in a context of philosophical problems of modern culture is analyzed.

Keywords: music, essence, metaphysics, a sound, life, space rhythms of the universe.

Філософське осмислення феномена музики передполагає изначальную дифференціацію на музику звучущую, формалізовану в музикальних произведениях, и музику метафізическую, в виде музикального принципа картины мира как сущностного бытия.

Разделение на музыку как вид искусства и музыку как онтологическую категорию обуславливает дуальность постижимого и непостижимого, опытно данного и вместе с тем ускользающего от полного осуществления в опыте. «Музыкальное, с одной стороны, космично, – пишет А. Е. Малахов, – с другой – субъективно: музыкален космос, но музыкальна и человеческая душа» [1, с. 6]. Эти два основных вектора (один вектор вовне, в космос; другой – внутрь, в глубину души), определяющие дуальную природу музыкального, обозначены уже в знаменитом музыкальном трактате Боэция «Musica mundane et musika humana» (Музыка небесная и музыка человеческая).

Выявление метафизической сущности музыки направлено на осмысление вектора космичности, который позволяет приблизиться к пониманию истинного бытия музыки, вне форм объективированной обусловленности. Обращение к «чистому» бытию музыки открывает эволюционные возможности ценностного определения человеческого развития, позволяя выявить истинные смыслы предназначения человека в мире бесконечного космоса. Возможно, в сверхэмпирической сущности музыки и находится поле осмысления музыки, до конца не выступающей объектом исследования ни одной науки, которая определяла бы своим предметом запредельное бытие универсума. Не случайно феномен музыки исследует физика (акустические закономерности), психология (мир чувственных, подсознательных переживаний человека), культурология (особенность музыкального в формировании мировоззренческих основ социокультурного пространства), эстетика (закономерности эстетического сквозь

призму музыкальной специфики, музыки как вида искусства), музыковедение (стилистические особенности музыки), хронософия (интердисциплинарная наука о времени) и, наконец, философия (выявление генезисных и бытийственных структур музыкального способа освоения мира).

Музыка исследуется как высшая форма логических закономерностей в контексте коммуникативной проблематики, как пространство иррационально-интуитивных осуществлений сознания человека, как историческая фаза состояния стилей и жанров искусства, как механизмы процессов музыкального восприятия, как музыкальное проявление временных структур. Перечисление предметов исследования музыки может быть продолжено, при этом ни одна сфера познания не в состоянии охватить глубинные смыслы чистого бытия музыки, ибо рассматривает ее феномен с одной из ограниченных форм осуществления.

Представляется, что наряду с высокой степенью абстракции или феноменологической редукции философского метода, и он оказывается не в состоянии охватить глубинную сущность феномена музыки. Возможно, синкретическое единство постижения Божественной природы мира как гносеологическая целостность, не расчлененная дисциплинарно и методологически, способно приблизить нас к сущности музыки, а через нее, как утверждал А. Шопенгауэр, и к сущности мира?

Исходя из понимания мира как целостного единства, предмет исследования метафизической музыки находит выражение в виде «чистого бытия» музыки. Музыка, метафизически допустимой в предельных возможностях нашего сознания и ее бытия в перводанной и наиболее аутентичной форме бытийственности, не обусловленной множественностью различения. Согласно А. Ф. Лосеву, такое понимание бытия исходит из «отношения к миру как к целому» [2, с. 783], в котором человек рассматривается в своем отношении к запредельному, а «образ мира» – как некое особое знание мира о самом себе.

Именно музыка выступает в виде предельного образа познания, в котором мир открывается в своей сущности. Прежде всего, это звуковая природа музыки, которая отображает творческую вибрацию жизни. Звук слышимый несет в себе отражение звука неслышимого. Слово звук, происходящее от латинского SOUN, трансформируется во французское SON (звук), а также английское SON (сын). Такое соответствие не случайно и отображает сыновий аспект троицы – логоса – слова. Слово – как творящая сила вселенной, то есть сама жизнь, в вечном осуществлении Божественной природы, в своей целостной полноте, скрытой в потенции хаоса.

Подобная концепция звука существует и в недрах индийской философии, где различается слышимый звук (ахата) и звук неявленный (анахата). Последний тождествен универсальному творческому принципу, воплощенному Шиве, который одновременно разрушает и творит новое.

Аналогия генезиса звука явленного прослеживается в его биологической эволюции от непроявленной немоты до все более развивающейся способности голового и рационального выражения. При этом речь и интеллект взаимосвязанно развивались в человеке. Но еще до того как человек стал мыслить рационально, он обладал музыкальным мышлением, понимая и общаясь с миром на языке вибраций – языке музыки. Ибо звук, как взаимопроникновение звуковой вибрации Абсолюта,

на всех уровнях резонирует в человеке, способствуя обретению смыслов, которые эволюционно формировались в социокультурном становлении.

Разумеется, слышимый звук с его зависимостью от материальной среды и узким интервалом частот есть нечто иное, нежели звук непроявленный, проводящий творческую вибрацию Абсолюта. При этом слышимый звук порождает, оживляет гармонически настроенные суперструктуры нашего сознания, обладающие творческой силой. Слышимый звук способствует приближению к смыслам и символам звука неслышимого. Это наделяет музыку магической силой, приближает ее к мистическому феномену, в котором преодолены субъект-объектные разделения, а целостность мира открыта в акте интуитивного озарения.

Помимо вибрационной природы, что есть первичный признак жизни во всех ее проявления, музыка обладает феноменом отображения ритмической пульсации, лежащей в основе любого творения. Это космические ритмы Вселенной, дыхание Брахмы, вечное чередование состояний проявленного и непроявленного, дня и ночи, активного и пассивного, как принципа осуществления мироздания в его нескончаемом свершении. Это условие вечного становления, в котором с каждым рождением и смертью подтверждается их приходящий характер, утверждая торжество единого, целостного, нескончаемого, в котором бинарные оппозиции обретают смысл в наявности обоих. Не это ли смысловая развязка всех противоречий мира множественного, которая осуществляется через музыкальную природу «чистого бытия»?

Интересно, что музыка в своих звучащих аналогах, совмещает иррациональную суть непроявленного хаоса в виде нерасчлененной, а следовательно, не поддающейся формализации целостности и возможность высшей системности в виде «гармонии сфер» (Пифагор). В этой связи уместны ницшеанские экстраполяции античных Аполлона и Диониса на формализацию принципов бытия искусства, в виде упорядоченной системности (Аполлон) и бессистемного порыва творческой энергии (Дионис). Метафизическая музыка вобрала в себя оба принципа, проявляя их одновременно во взаимодополнении строгой логики музыкального мышления и эвристической сущности творческой непредсказуемости музыкального потока. Единновременное совмещение несовместимого укореняет в музыке ее максимальную предельность в виде аутентичного отображения Абсолюта в своем первичном самопознании. В каждом моменте музыки выражение вечного и бесконечного, рождаемого и рожденного, отвержение отдельности причины и следствия. Это своего рода фокус нерасчлененности жизненных энергий цельного организма, всеобщее единство взаимопроникновенной множественности, где нет ничего и все возможно. Музыка погружена во Тьму Бытия, в так называемое Пред-бытие, где уже нет Небытия, но еще нет проявленного Бытия. Именно в этом Пред-бытии осуществляется Вселенная. И хотя для А. Ф. Лосева «музыка есть величайший Хаос», глубинное единение упорядоченной гармонии и ее творческого саморазрушения дает возможность определить фундаментальный принцип ее бытия как «Хаокосмос» [3, с. 478]. Ибо «музыка не насквозь хаотична, – утверждает Лосев, – она возвещает хаос накануне преобразования», ее мятущийся дух содержит в себе замысел становления.

Фундаментальной характеристикой бытия музыки выступает ее континуальность, динамичность как условие существования. «Вечно играющий» и веч-

но изменяющийся музыкальный субъект осуществляет через становление ускользающую от какой-либо понятийной фиксации свою Трансцендентную природу. В динамической природе музыки, в ее принципе диалектического разворачивания во времени открывается принцип «становящегося смысла», «становящегося знания» [4, с. 278], в виде объективации не вещей, и даже не понятий, а лишь замыслов, образов (эйдосов) бытийственности.

Если временная природа музыки не вызывает сомнений, то вопрос о пространстве музыки подразумевает отвлеченно-метафизический подход. «На протяжении столетий понимание музыки как чисто временного искусства надолго отодвинуло осознание факта музыкального пространства» [5, с. 17]. Обращение к наиболее выразительному средству смысловой наполненности звука – интонации, выявляет ее координатную выраженность в виде числовой характеристики, осознаваемой через соотнесение «точек» музыкального пространства. Пространство метафизической музыки есть «чистое бытие» или, как мы его попытались точнее определить, «Пред-бытие», которое онтологически выражается как отражение Абсолюта в виде целостного Универсума, имплицитно содержащего все потенции (возможности) абсолютного Хаоса или абсолютного Ничто, а космологически выражает наивысшие структуры метафизически мыслимой гармонии ожидаемого замысла, проекта самоосуществляемого Бытия. Естественно, все определения пространства музыки с позиции материалистических подходов будут недостаточны. Тем более, что материально мыслимое пространство, существует во взаимодействии со временем. Пространственное определение музыки допускается лишь с позиции континуума, в виде пространственно-временного перехода, фундаментальность которого не является прерогативой музыкального мышления и восходит к глубинным принципам и основаниям Мироздания. Так отвлеченная категория пространства, применительно к «чистому бытию» музыки, выявляет ее беспредметную внепространственность или пространство духовной сущности в виде предельной бесформенности и хаотичности, в которой исчезают все противоположности. Характеристикой пространства музыки, согласно А. Ф. Лосеву, может выступать «всеобщая внутренняя текучесть», «слитность в нем (пространстве музыки. – Ю. Ш.) всех возможных предметов в их нерасчленимой бытийственной сущности» [4, с. 227]. И если философское познание видит сущность мира в постижении эйдосов или вещи в себе, то музыкальное бытие открывает «ничем не прикрытую, ничем не выявленную сущность мира *в-себе-сущность* во всей ее нетронутой чистоте и несказанности» [4, с. 228].

Таким образом, метафизическое пространство музыки есть «чистое бытие» или «Пред-бытие», которое обуславливает следующее:

- музыка есть высшая системность в виде «хаокосмоса»;
- музыка – тождество сознания и бытия;
- музыка есть выражение всех граней универсума в их целостности;
- трансцендентная сущность музыки есть фундаментальная детерминанта музыкального устройства мира;
- онтологическая интегративность музыки обуславливает взаимосвязи всех форм проявлений, среди которых определяющим является взаимосвязь Человека и Универсума;

– космологическая предельность музыки выражает максимально возможное в виде глубинно невыраженной, но интуитивно присутствующей потенции чистой, необусловленной духовности;

– мистическая природа музыки обуславливает постоянно ускользящий и притягивающий горизонт обретения смысла в виде расширения сознания до духовной сути бытия человека.

Обращаясь к взаимодополняющей дуальности музыки метафизической и музыки звучащей, следует определить их категориальный статус, исходя из представленного выше осмысления метафизического пространства музыки. В связи с этим можно говорить о «музыке-сущности (субстанции) и музыке-явлении (искусстве)» [6, с. 74] как двух сторонах музыкального универсума.

Исходя из платоновской картины мира, музыка метафизическая не просто как сущность вещей (эйдос), а как в-себе-сущность представляется в виде самоопределяющей, и вопреки платоновской характеристике эйдосов, не поддающейся умозрительному постижению универсалией, а музыка звучащая (вид искусства) – лишь иллюзорным ее проявлением в мире форм.

Применяя аристотелевские категории субстанции и акциденции к метафизическому осмыслению музыкального бытия, можно заключить, что музыка метафизическая является смыслом, который содержится в музыке звучащей, выступая нематериальным материалом (духовным субстратом), который обретает форму в виде музыкальных творений. Являясь скрытой, непроявленной возможностью, музыка метафизическая содержит в себе неопределимые для эволюционирующего сознания горизонты его расширения, а музыка звучащая, отображая актуализируемую действительность, выступает движущей силой реализации этого расширения.

Так открывается уникальное бытие музыки, которая через свое «здесь и сейчас», то есть экзистенциальное проживание истины, способствует проникновению к целостной сокрытой возможности чистого бытия Абсолюта, указывая путь взаимодействия Индивидуального сознания с сознанием Космическим, открывая человеку истинный смысл своего предназначения, выраженный в простой формуле:

Человек духовный есть человек музыкальный!

В этой связи понимание Мироздания как единой жизни, единой вибрации творческого импульса укореняется в метафизическом понимании музыки как высшей детерминанты сознания. В силу этого, не музыка звучащая способна расширить сознание, а сознание, приближаясь к метафизической сущности музыки в ее трансцендентных основаниях в виде осуществления принципа «чистого бытия» как принципа необусловленной духовности, сможет приблизить эволюционное расширение до идеала единой жизни, имя которому – *музыка*.

Библиографические ссылки

1. Малахов А. Е. MUSICA LITERARIA: Идея словесной музыки в европейской поэтике / А. Е. Малахов. – М., 2005.
2. Лосев А. Ф. О мироощущении Эхила / А. Ф. Лосев // Форма. Стиль. Выражение. – М., 1995.
3. Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение / А. Ф. Лосев. – М., 1995.

4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. – М., 1990.
5. Суханцева В. К. Музыка как мир человека / В. К. Суханцева. – К., 2000.
6. Коломиец Г. Г. Философско-антропологический статус музыки: аксиологический аспект / Г. Г. Коломиец // Вестник Москов. ун-та. Сер.7. Философия. – 2006. – № 5. – С. 73–94.

Надійшла до редколегії 22.12.09

УДК 17

О. М. Корх

Академія митної служби України

ОСОБИСТА АВТОНОМІЯ ТА КОЛЕКТИВНА СОЛІДАРНІСТЬ В КОНТЕКСТІ ІДЕЙ КОМУНІТАРИЗМУ

Зроблено аналіз спроби зняти протиріччя між особистою автономією та колективною солідарністю в межах філософії комунітаризму.

Ключові слова: особиста автономія, колективна солідарність, комунітаризм.

Проанализирована попытка снять противоречие между личной автономией и коллективной солидарностью в рамках философии коммунитаризма.

Ключевые слова: личная автономия, коллективная солидарность, комунитаризм.

Being analyzed the attempt to remove contradictions between personal autonomy and collective solidarity in the framework of communitarism philosophy.

Keywords: a personal autonomy, collective solidarity, communitarism.

Характерною рисою модернізації сучасного світу є поступове поширення ідей лібералізму, у тому числі його наріжного принципу – індивідуалізму. На рівні суспільної свідомості зазначене поширення знаходить своє відображення в поступовому зближенні ліберальної, консервативної та соціал-демократичної ідеологій. Своєрідним і досить суперечливим варіантом ліберально-консервативного консенсусу можна вважати комунітаризм А. Етціоні, Дж. Кембела, А. Макінтайра, Ч. Тейлора, М. Сендела та інших дослідників, аналіз якого дає можливість зробити певні висновки щодо перспектив індивідуалізму в сучасному, у тому числі пострадянському світі. Такий аналіз особливо актуальний для нашого суспільства, для якого традиційно гострою залишається колізія індивідуалістичних та колективістських інтенцій.

На думку багатьох із зазначених дослідників, сучасність характеризується двома суперечливими тенденціями. З одного боку, надзвичайним підйомом значення окремої особистості та її творчого потенціалу, що сприяє подальшому ствердженню її права на незалежне самовизначення та індивідуальну